

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Борис Ефимович Винер

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Социологического института РАН —
филиала Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: wiennerras@yandex.ru

Константин Сергеевич Дивисенко

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Социологического института РАН —
филиала Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: k.divisenko@socinst.ru

Диссертационные локусы и ареалы: случай советской и постсоветской этнологии

УДК: 316.74:39(470+571)

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-133-156

Авторы, используя сведения о диссертациях по этнографии/этнологии, подготовленных в СССР и постсоветских странах, обсуждают зоны соприкосновения когнитивной и социальной структур этнологии как научной дисциплины. Такие зоны можно обозначить как диссертационные локусы и ареалы. Под диссертационным локусом понимается набор диссертаций, подготовленных в одном учреждении, и совокупность этнологов, подготовивших эти диссертации. Такие локусы могут характеризоваться определенным набором тематик, который статистически отличается от наборов тематик в других локусах. Несколько диссертационных локусов могут входить в состав диссертационного ареала, или группы этнологических учреждений (этнологических подразделений учреждений), расположенных в одном городе, регионе или стране (бывшей союзной республике). Понятия локусов и ареалов позволяют

объединять исследователей, аффилированных с разными учреждениями, в том числе расположенными в разных населенных пунктах, а также дает возможность учитывать организационный дрейф локуса, например, при административном объединении/разделении учреждений или при смене аффилиации лидерами локусов, выполняющими функции научных руководителей и консультантов. В статье демонстрируется, что методы векторной алгебры и математической статистики в ходе анализа диссертационных тематик позволяют в ряде случаев достаточно уверенно идентифицировать диссертационные локусы и ареалы. Примерами автономных локусов можно считать этнологические подразделения во Владивостоке и Ивано-Франковске. В Ижевске и Казани сосуществует по несколько автономных локусов, не образующих общие ареалы. Наоборот, в общие ареалы объединяются локусы в Саранске, Омске, Львове. В то же время для большинства случаев, когда в одном городе расположено несколько этнологических локусов, как, например, в Уфе и Якутске, сравнение локусов по тематикам не дает однозначного ответа о возможности их объединения в общие ареалы. То же можно сказать о возможности объединения в один ареал ИЭА РАН и МАЭ РАН.

Ключевые слова: социология этнологии, когнитивная структура науки, социальная структура науки, диссертационные локусы, диссертационные ареалы, диссертационные тематики, DBSCAN.

Список сокращений¹

ЕУ — Европейский университет в Санкт-Петербурге

ИИФЭ — Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии Национальной академии наук Украины

ИИЭФ — Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси

ИИЯЛ УФИЦ — Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

ИН — Институт народоведения НАНУ (Львов)

ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН

ИЭИ — Институт этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

КНУ — Киевский национальный университет

ЛНУ — Львовский национальный университет

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МГПУ — Мордовский государственный педагогический университет

ПНУ — Прикарпатский национальный университет

¹ Из-за того, что учреждения на протяжении истории меняли свои статусы (например, филиал или самостоятельное учреждение) и названия, для ряда университетов и институтов мы даем неполные названия, причем наиболее поздние переименования могут быть нами не учтены.

Диссертационные локусы и ареалы как научная проблема

В предыдущих статьях мы рассмотрели вопрос о возможности проведения периодизации советской и постсоветской этнографии/этнологии на основе определения тематик подготовленных к защите диссертаций [Винер, 2020; Дивисенко, Винер, 2021]. В частности, мы указывали на то, что в разных странах, республиках, городах и учреждениях у исследователей могли быть разные тематические интересы. В масштабах всего советского и постсоветского пространства различия между этими интересами пока изучены слабо: «Мы плохо осведомлены о том, чем занимаются этнографы / этнологи в различных научных центрах (имею в виду не только учреждения РАН), а порой и вовсе не знаем, какова ныне существующая организационная сеть учебных и исследовательских центров, лабораторий этнологии и культурной/социальной антропологии» [Островский, 2005, с. 79]. Со времени появления этого высказывания мало что изменилось в степени нашей осведомленности по этой проблеме.

Чтобы узнать, чем занимаются или занимались в прошлом этнологи на всем пространстве бывшего СССР, возможно множество исследовательских стратегий. Наиболее распространенная из них — историографический подход, когда прочитываются работы исследователей в какой-либо дисциплине или субдисциплине, изучаются биографии этих исследователей, и историограф создает описание, в котором будут сочетаться изложение установленных фактов и собственные выводы и оценки достижений предшественников и коллег. Такие описания могут объединяться в обобщающий нарратив. Понятно, что создание труда, охватывающего целиком некоторую дисциплину, является неподъемным для одного историка науки или даже для небольшого коллектива и потребует многих десятилетий труда.

Будучи социологами, интересующимися историей и современным положением дел в этнологии, мы используем иную стратегию, опирающуюся на подходы и инструментарий социологической науки. При этом возникают вопросы, что именно, каким образом и на основе каких данных мы собираемся описывать и сравнивать между собой. Получившие в последние десятилетия большую популярность методы анализа социотирований, ключевых слов, резюме статей и т. п. нам не помогут, поскольку направлены на исследование исключительно того, что изучают ученые, то есть когнитивной структуры науки, а то, что Островский называет этнологическими центрами, относится к социальной структуре науки².

Для стоящей перед нами задачи необходимо использовать какую-то значительную совокупность письменных источников. В качестве такой совокупности могут выступать собранные нами сведения о подготовленных к защите диссертациях по этнографии/этнологии в советское и постсоветское время. Большинство сведений мы почерпнули из авторефератов, в которых авторы описывают объект и предмет своих интересов, теоретические подходы, использованные методы и результаты исследования. Нам представляется, что при работе с авторефератами по этнографии/этнологии наиболее просто квантифицировать тематики, интересующие авторов

² Понятия когнитивной и социальной структуры науки ввел британский социолог науки Ричард Уитли [Уитли, 1980].

диссертаций, и проследить их количественные связи с учреждениями, в которых выполнены эти работы³.

Сами по себе связи тематик с учреждениями, несомненно, интересны. Однако могут существовать ситуации, когда тематики коррелируют не с отдельным учреждением, а с совокупностью учреждений в большом городе или даже в пределах бывшей союзной республики. К подобной постановке вопроса еще в начале 1970-х гг. подошла американский социолог Сюзан Крофорд, изучая группы исследователей сна. Она предложила называть «площадь, на которой имеется хотя бы один ученый и где ни один ученый не находится на расстоянии более 80 миль от другого ученого», исследовательским центром [Crawford, 1971, p. 309–310]. Екатеринбургский исследователь Наталья Алексеевна Бабенкова провела анализ количественного распределения диссертаций по антропологии и этнологии, выполненных в разных центрах, понимаемых именно как учреждения [Бабенкова, 2020, с. 139].

Вместе с тем имеются три обстоятельства, которые не позволяют нам принять этот термин. Во-первых, в настоящее время в русском языке под научными центрами могут пониматься организации, обозначенные таким образом в официальных документах, — региональные научные центры РАН (например, Троицкий научный центр), учреждения, перечисленные в правительственных документах⁴ (например, акционерное общество «Центр судостроения и судоремонта» в Петербурге), федеральные государственные учреждения, образованные на базе институтов, сохранивших в своем названии аббревиатуру РАН (например, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН).

Историк исторической науки Дмитрий Алексеевич Гутнов полагает, что наиболее долговечными являются научные школы, «в основе формирования которых лежит некая организационная общность, будь то место работы или учебы. Это может быть не только исследовательская деятельность в рамках какого-либо исследовательского центра, но и сотрудничество в тех или иных научных обществах, журналах и пр.» [Гутнов, 2002, с. 69]. Очевидно, что под центром здесь понимается НИИ, музей или университетское подразделение. Омский историк Ольга Васильевна Кузнецова среди организационных центров «научного сообщества историков Омска»

³ Изучать различия в когнитивной структуре этнологии можно не только на основе тематических предпочтений этнологов, но и принимая во внимание их интерес к определенным территориям или их теоретические ориентации. Однако, как правило, за исключением российских столиц этнологи концентрируются на изучении собственных республик, регионов или соседних территорий. Что касается теоретических ориентаций, то их выявление зачастую является сложнейшим предприятием. Теоретические представления в этнологии зачастую имплицитны и не являются объектом саморефлексии исследователей. Принципы сбора полевого материала в значительной степени контекстуальны, а не определяются теориями. К тому же проблема теоретической организации этнологии / социокультурной антропологии достаточно сложна и далека от более или менее удовлетворительного освещения. Чтобы осознать это, достаточно сравнить типологии антропологических теорий британца Алана Барнарда и канадца Стэнли Барретта [Barnard, 2004, p. 9; Barrett, 1984, pp. 9–11]. Более поздние известные нам работы по антропологической теории, включая предназначенную для студентов продвинутого уровня книгу канадца Пола Эриксона и американца Лиэма Мёрфи [Erickson, Murphy, 2017], не добились больших успехов в типологизации теорий.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 1221 Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2019/06/Rasporyazh_ot_06.06.19_N1221-r.pdf (дата обращения: 11.12.2023).

перечисляет несколько университетов, филиалов НИИ, архивов, музеев [Кузнецова, 2002, с. 190]. В литературе под научным центром может пониматься и город, в котором находятся несколько тесно сотрудничающих друг с другом в области одной дисциплины организаций или подразделений. Социолог Сергей Исаевич Голод отмечал, что с 1960-х гг. можно говорить о ленинградском социологическом центре, представители которого работали в разных учреждениях города (см. об этом: [Козловский, 1999, с. 13]). Монография этнологов Ирины Витальевны Захаровой и Николая Аркадьевича Томилова содержит термин «этнографические научные центры» в своем названии. Причем под такими центрами в первую очередь понимаются как раз города Омск и Новосибирск, где в нескольких учреждениях имеются подразделения, проводящие этнологические исследования [Захарова, Томилов, 2007; также Томилов, Жигунова, 2010]⁵.

Во-вторых, и Крофорд, и российские авторы, использующие этот термин, подразумевают, что научный центр либо дискретно связан с определенной территорией, будь то отдельный город, большой географический регион или республика, либо является институтом, университетским подразделением, музеем и подобным исследовательским учреждением. При такой географической привязке, например, к городу, теряется возможность обозначить наличие в нем нескольких исследовательских центров. При привязке же только к учреждению или его подразделению теряется возможность аналитического объединения нескольких учреждений в одну единицу. Наконец, в-третьих, слово «центр» вызывает у читателя ассоциацию с учреждением, элементом социальной структуры науки и затеняет необходимость принятия во внимание когнитивных аспектов структуры научных дисциплин.

Поэтому мы предпочли оперировать собственными понятиями «диссертационный локус» и «диссертационный ареал». *Под диссертационным локусом в нашем случае понимается совокупность диссертаций, подготовленных в одном учреждении, и этнологов, подготовивших эти диссертации*⁶. Локус может характеризоваться набором тематических предпочтений диссертантов, совокупность которых статистически отличается от наборов тематик в других локусах. Несколько диссертационных локусов могут входить в состав *диссертационного ареала*, или *совокупности этнологических учреждений (этнологических подразделений учреждений), расположенных в одном городе, регионе или стране (бывшей союзной республике)*. Начиная работать над этой статьей, мы предполагали, что локус статистически отличается от других локусов. Подобным же образом различаются и ареалы. В таком случае статистические различия между локусами одного ареала были бы меньше, чем от локусов вне дан-

⁵ Правда, в той же монографии авторы употребляют слово «центр» и применительно к учреждению — Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН [Захарова, Томилов, 2007, с. 15].

⁶ Мы заимствуем термин «локус» не из генетики, где он означает место расположения гена на хромосоме, а из набора англоязычных математических терминов. В англоязычной математике под локусом понимается «любая система точек, линий или кривых, которая удовлетворяет одному или нескольким заданным условиям <...> Локус точек, удовлетворяющих заданному условию, — это множество, которое содержит точки, удовлетворяющие условию, и ни одной, которая не удовлетворяет <условию>» (см., например: [James, 1992, p. 255]). В русской математической терминологии английскому локусу соответствует термин «геометрическое место точек». Конечно, наша аналогия, как и любая аналогия, не идеальна. Но, думается, для решения поставленной задачи она вполне пригодна.

ного ареала. Мы также допускали, что в большом городе, прежде всего столичном, возможны ситуации, когда некоторые этнологические учреждения (или этнологические подразделения) являются самостоятельными локусами, не входя в ареал, объединяющий другие локусы в этом городе.

Необходимо иметь в виду, что в локус объединяются не все сотрудники некоторого учреждения, а лишь те, которые подготовили свои диссертационные исследования в этом учреждении. Точно так же в него войдут ученые, подготовившие здесь диссертации, но являющиеся сотрудниками других институтов, университетов и т. д.

Преимуществом такого понимания локусов и ареалов является то, что оно позволяет объединять исследователей, трудоустроенных в разных учреждениях и населенных пунктах, а также дает возможность учитывать организационный дрейф локуса, например, при административном объединении/разделении учреждений или при смене учреждения трудоустройства лидерами локусов, выполняющими функции научных руководителей и консультантов. Диссертационные локусы и ареалы находятся в зонах соприкосновения когнитивной и социальной структур научных дисциплин и субдисциплин и соединяют формальные и неформальные элементы в ходе выполнения диссертационных исследований. Мы специально подчеркиваем эту особенность рассматриваемых феноменов, для того чтобы читатель лучше видел их отличия от школ, теоретических групп и других неформальных элементов социальной структуры научных дисциплин (см., например: [Сафонова, 2012]).

В ходе настоящего исследования мы намереваемся проверить возможность выявления диссертационных локусов и ареалов за счет анализа диссертационных тематик при помощи методов векторной алгебры и математической статистики.

Данные и методы

Исследование опирается на собранные нами сведения о диссертациях, подготовленных к защите в 1934–2016 гг. в СССР и постсоветских странах: прежде всего это печатные версии авторефератов, хранящиеся в библиотеках Петербурга и Киева, электронные каталоги петербургских, московских, киевских, минских и других библиотек, сайты *dissercat*⁷, «Человек и наука»⁸, «Национальная электронная библиотека»⁹, а также сайт «Отечественные этнографы и антропологи XX века»¹⁰. Более подробно метод сбора данных описан в нашей статье, где мы помимо перечисления особенностей описываемых источников отмечаем их специфику в разные временные периоды, а также в разных учреждениях [Дивисенко, Винер, 2021, с. 159–161]. Всего были получены сведения о 2 901 диссертации и автореферате. Для количественного анализа оказались пригодными сведения о 2 403 кандидатских и 469 докторских диссертациях, которые мы анализируем суммарно без деления на докторские и кандидатские. Из рассмотрения пришлось исключить сведения о

⁷ Режим доступа: <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 02.10.2020).

⁸ Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 01.10.2020).

⁹ Режим доступа: <https://rusneb.ru/> (дата обращения: 21.10.2020).

¹⁰ Режим доступа: <http://ethnographica.kunstkamera.ru> (дата обращения: 01.10.2020).

29 диссертациях, поскольку доступ к ним или авторефератам был невозможен, а по названию не всегда можно определить тематику.

Все эти 2 872 диссертации были проанализированы на предмет их тематики, причем одна диссертация могла касаться нескольких тем. Мы выделяли эти тематики подобно тому, как это делается при индексации на основе библиотечно-библиографической классификации (ББК) [*Библиотечно-библиографическая...*, 2001, с. 201–213]. При этом, используя подходы ББК к классификациям, мы вносили в них модификации, связанные с имеющимся материалом. Более детально мы описываем проблему определения тематик диссертаций в специально посвященном этому сюжету параграфе уже упоминавшейся статьи [*Дивисенко, Винер, 2021, с. 164–165*].

Мы полагаем, что диссертационные локусы могут различаться по доле различных тематик в выполненных в них диссертациях. Причем различия будут не по охвату географических территорий или рассматриваемым этническим общностям, но по сюжетам, которые для этнологии в ББК обозначаются с помощью специальных типовых делений, как-то: -32 «Формирование этнического состава населения данной страны», -426 «Народный костюм», -7 «Духовная культура», -72 «Народное искусство», -735 «Общественный и домашний этикет» и т. п. Эти названия мы здесь приводим лишь в качестве примеров из работы составителей таблиц ББК. Выделенные нами тематики представлены ниже (табл. 1).

Данные показывают, что в ряде университетов диссертации по этнологии готовились на разных кафедрах. Например, в СПбГУ таких кафедр было девять, но при этом основной массив диссертаций — 58 — выполнен на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета, три — на предшествующих ей кафедрах этнографии восточного и филологического факультетов, а на остальных в совокупности еще пять диссертаций. Мы полагаем, что в таких случаях целесообразно объединять такие работы под шапкой соответствующего университета.

Для проверки гипотезы о возможности объединения этнологических учреждений на основе диссертационной тематики в локусы и ареалы были использованы два основных метода — кластерный анализ и анализ таблиц сопряженности. Для визуализации результатов использовался метод многомерного шкалирования. Логика анализа была следующей: 1) построение тематического профиля объекта на основе агрегирования исходных данных (на первом этапе по странам, далее — по учреждениям); 2) построение матрицы расстояний между объектами на основе косинусной меры; 3) кластеризация объектов; 4) выявление значимых различий в тематике диссертаций между кластерами. Такая итерация повторялась для кластеров, состоящих из нескольких объектов.

Поскольку основной задачей являлось не принудительное распределение всех объектов по априорному числу кластеров, а выявление групп, состоящих из наиболее близких объектов, для целей исследования был выбран алгоритм кластеризации, основанный на плотности *DBSCAN* (Density-based spatial clustering of applications with noise) [*Ester et al., 1996*] в реализации библиотеки *scikit-learn*. В отличие от «классических» методов кластеризации, *DBSCAN*, основываясь на априорно заданном расстоянии ϵ между объектами, группирует их, не включая в кластеры случаи, находящиеся относительно далеко от выявленных плотных групп. Регулирование значения ϵ позволяет выявить относительно однородные группирования на разном уровне (при различном масштабе).

При анализе таблиц сопряженности контролировалось значение χ^2 , а также двух точных тестов: Фишера и Барнарда (реализация SciPy), в тех случаях, когда применение критерия χ^2 было некорректным (исходные данные представляют собой сильно разреженную матрицу с неравномерно распределенными значениями).

Результаты

На первом шаге анализа в качестве нижнего порога мы выбрали учреждения с числом диссертаций 14 и более¹¹. При заданном пороге из анализа выпадают некоторые бывшие союзные республики, где подготовлено 113 диссертаций, а сведения об оставшихся 2 759 диссертациях представлены в таблице 1.

Табл. 1. Распределение тематики диссертаций по странам (в порядке убывания)

Table 1. Distribution of dissertation topics by country (in descending order)

	Россия	Украина	Грузия	Беларусь	Азербайджан	Киргизия	Узбекистан	Казахстан	Армения	Другие	Всего
Историческая этнография	321	20	13	5	1	6	2	5	1	8	382
Обрядность	207	66	19	11	2	1	8	2	3	14	333
Религия и магия	210	14	7	6	1	2	4	4	2	8	258
Хозяйство	151	20	35	2	11	0	4	2	6	19	250
Социальная организация	183	5	10	1	2	1	3	3	1	3	212
Семья и брак	121	13	23	5	5	0	1	2	1	9	180
Этнография современности	119	19	4	6	4	2	5	2	1	10	172
Материальная культура	112	8	9	4	13	2	0	1	2	14	165
Монографическое описание	123	6	11	2	2	5	4	3	0	9	165
Поселение и жилище	70	23	13	6	2	3	3	1	0	9	130
Политическая антропология	97	18	1	1	0	0	1	0	0	0	118
История этнологии	45	39	1	6	2	3	1	1	0	2	100
Народное искусство	69	6	4	2	0	2	4	5	4	4	100

¹¹ К концу 2016 г. такое число диссертаций было выполнено в ЕУ. Первоначально нам представлялось, что ЕУ имеет ярко выраженные отличия от других петербургских учреждений по характеру диссертаций. Однако к настоящему времени мы получили сведения о 40 диссертациях, подготовленных здесь. И стало понятно, что ЕУ заметно отличается только тем, что здесь лишь трое из 26 диссертантов, подготовивших диссертации по этнологии, имели этнологическое образование уровня специалитета, полученное в СПбГУ. Остальные начали приобщаться к этнологии с магистерского или аспирантского уровня. Причем еще девять из этих 40 диссертантов подготовили диссертации по филологии, один по искусствоведению, один по социологии и один по теории и истории культуры. В целом имеющиеся у нас данные пока не позволяют говорить о статистически отличимой специфике диссертаций из ЕУ по сравнению с диссертациями, подготовленными в МАЭ, где в основном и проходят защиты выпускников из ЕУ по этнологической специальности.

Окончание табл. 1

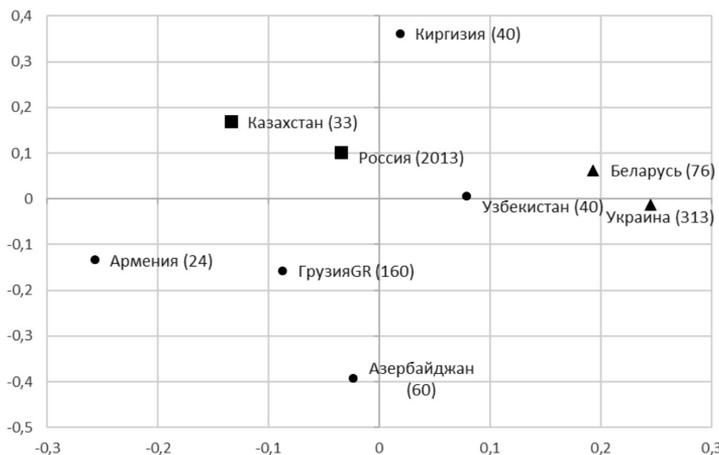
End of the table 1

	Россия	Украина	Грузия	Беларусь	Азербайджан	Киргизия	Узбекистан	Казахстан	Армения	Другие	Всего
Теории этноса	18	1	0	0	0	0	0	0	0	0	19
Народные знания	10	5	1	1	0	0	0	0	1	0	18
Системы родства	9	2	3	0	0	1	0	1	1	1	18
Этнические ассоциации	12	4	0	1	0	0	0	0	0	0	17
Этногеография	11	0	0	0	0	0	0	0	0	0	11
Народный календарь	7	1	2	0	0	0	0	0	0	0	10
Методы	8	0	1	0	0	0	0	0	0	0	9
Ономастика	6	2	0	0	0	0	0	0	0	0	8
Этнокультурные процессы	6	1	0	0	0	0	0	0	0	0	7
Визуальная антропология	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Этностатистика	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Первобытное искусство	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Прикладная этнология	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	3
Теоретическая этнология	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Этноконфликтология	1	2	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Искусственные изменения тела	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Этология человека	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Всего диссертаций:	2013	313	160	76	60	40	40	33	24	113	

Кластерный анализ (при $\epsilon = 0,23$) для данной совокупности при разбивке по странам показывает, что республики Южного Кавказа, Узбекистан и Киргизия остаются самостоятельными объектами (рис. 1).

Оставшийся массив разбивается на объединенные российско-казахстанский и украинско-белорусский кластеры, отчетливо различающиеся по предпочитаемым тематикам (рис. 2).

Дальнейшее проведение кластерного анализа для российско-казахстанского кластера при том же пороге в 14 диссертаций и при $\epsilon = 0,19$ дает в качестве самостоятельных объектов ЕУ и города Владивосток, Ижевск, Казань, Омск, Якутск. В северокавказский кластер группируются Махачкала и Нальчик, а в сибирский — Новосибирск, Томск и Улан-Удэ (рис. 3). При этом учреждения Москвы и Петербурга, кроме ЕУ, остаются в одном кластере с Казахстаном и Уфой. На следующем шаге (при $\epsilon = 0,13$) анализа для последней совокупности Казахстан и Уфа отделяются от остающихся вместе Института этнологии и антропологии РАН (далее ИЭА), МГУ, МАЭ и СПбГУ. Совокупность этих четырех учреждений мы называем центральным кластером, поскольку они объединяют 55% российских диссертаций и в значительной мере оказывали определяющее воздействие на этнологические учреждения союзных республик и особенно Российской Федерации (далее — РФ).

Здесь и далее на диаграммах рассеяния маркеры в виде квадратов, треугольников и ромбов («■», «▲», «◆») обозначают принадлежность объектов тому или иному кластеру; окружность («●») показывает, что объект не относится ни к одному из обнаруженных кластеров.

Рис. 1. Результаты кластерного анализа (группировка по странам)
 Fig. 1. Results of cluster analysis (grouping by country)

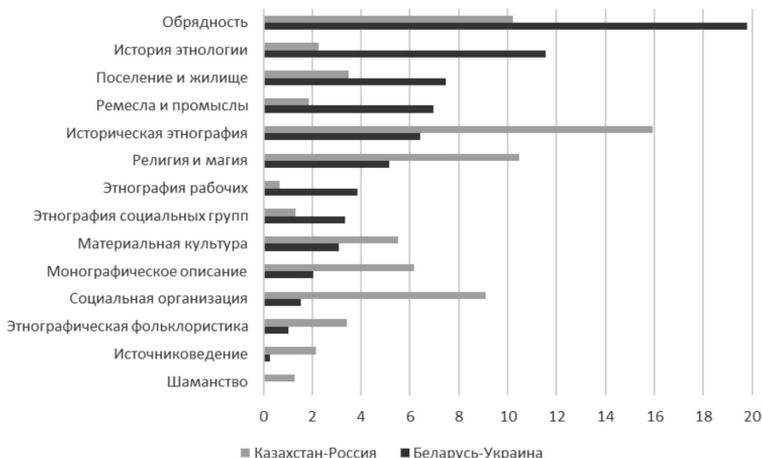

Рис. 2. Значимые различия в тематике диссертаций кластеров «Казахстан — Россия» и «Беларусь — Украина» ($p < 0,05$)

Fig. 2. Significant differences in the topics of dissertations of the clusters “Kazakhstan — Russia” and “Belarus — Ukraine” ($p < 0.05$)

При сравнении казахстанских диссертаций с общероссийской совокупностью обнаруживается достоверное различие лишь по одной тематике: в Казахстане народное искусство составляет 15,2% от общего числа всех диссертаций Казахстана, в то время как в РФ диссертаций на эту тему только 3,4%.

При обращении к украинско-белорусскому кластеру обнаруживается, что эти две республики значимо различаются только тем, что в Белоруссии больше диссертаций по этносоциологии: 6,6% белорусских против 1,9% украинских. Результаты кластеризации по крупным центрам Беларуси и Украины при $\epsilon = 0,29$ представлены на рис. 4.

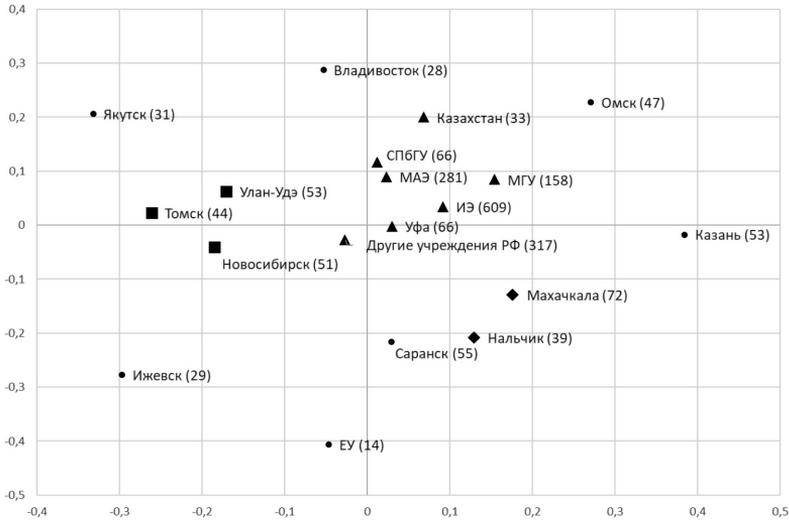

Рис. 3. Результаты кластерного анализа (Россия и Казахстан)

Fig. 3. Results of cluster analysis (Russia and Kazakhstan)

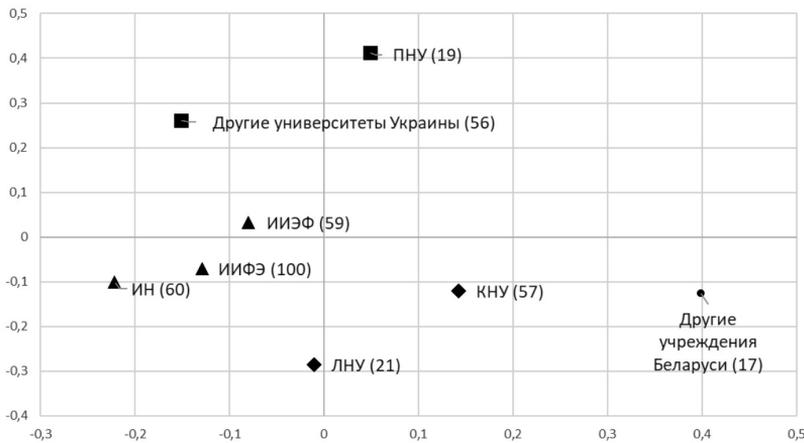

Рис. 4. Результаты кластерного анализа (Беларусь и Украина)

Fig. 4. Results of cluster analysis (Belarus and Ukraine)

Здесь нижний порог для учреждений выбран по ПНУ, где было подготовлено 19 диссертаций. Численность всех белорусских университетских диссертаций была ниже этого порога, составляя только 17 диссертаций. В результате их малой численности они не попадают в три кластера, отображенные на диаграмме. В первом из них оказываются академические институты национальных академий наук Украины и Беларуси: ИИЭФ, ИН и ИИЭФ. Во второй кластер попадают КНУ и ЛНУ, которые далее в тексте мы называем историческими университетами. В третьем кластере оказываются ПНУ и остальные одиннадцать периферийных украинских университетов, в двух из которых подготовлено по семь диссертаций, в одном — шесть, а в остальных по одной-две.

Обсуждение результатов

Поскольку наш материал довольно объемен, в предлагаемой статье мы интерпретируем полученные результаты выборочно и с разной степенью подробности. Начнем со сравнения тематик крупнейших локусов в Москве и Петербурге (рис. 5).

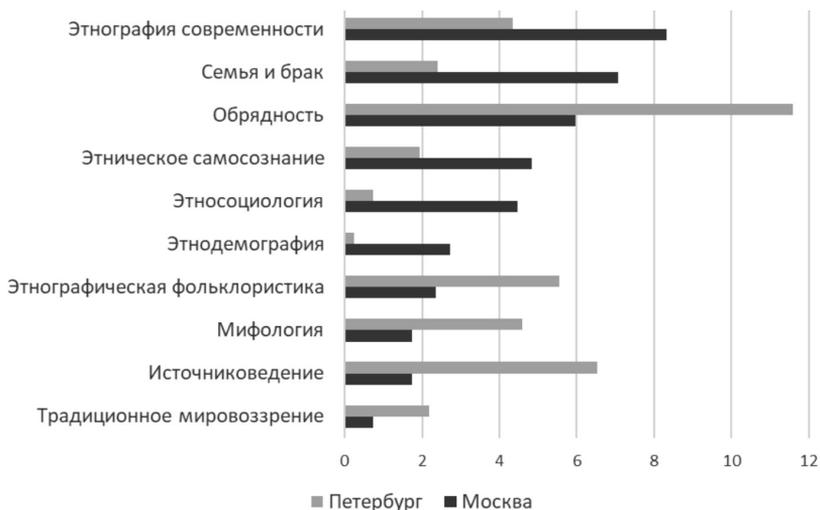

Рис. 5. Сравнение тематик крупнейших локусов в Москве и Петербурге
Fig. 5. Comparison of the topics for the largest loci in Moscow and St. Petersburg

Сразу обращает на себя внимание, что, за исключением этнографии брака и семьи, петербургской особенностью является повышенное внимание к традиционным темам старой русской этнографии, а москвичи более склонны подхватывать новые тенденции в этнологической науке¹². Историческая этнография, то есть изучение этногенеза и этнической истории народов, стала доминировать в СССР в период директорства в ИЭА с 1942 г. и до конца жизни Сергея Павловича Толстова (1907–1976). В Петербурге она по своей доле обгоняет Москву. При этом петербуржцы также сохраняют верность повышенному вниманию к источниковедению, которое характерно для петербургской исторической школы со времен Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) и Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919).

Сопоставление двух столичных институтов с МГУ и СПбГУ показывает, что для университетов более приоритетно изучение хозяйства и истории этнологии. Этносоциология после своего зарождения в СССР в конце 1960-х — начале 1970-х гг. длительное время использовала лишь количественные методы, прежде всего массовые опросы. Этот метод требует больших финансовых затрат, неподъемных для университетов без дополнительных источников финансирования, а грантовые возможности в России появились лишь в середине 1990-х гг., да и то они довольно ограничены, если сравнивать с передовыми в научном отношении странами. Этносоциологические диссертации готовились преимущественно в ИЭА, где со второй половины

¹² Распределение диссертаций по периодам, а также количественный анализ различий между периодами представлены в параграфе «Результаты статистического анализа» в нашей уже упоминавшейся статье [Дивисенко, Винер, 2021, с. 171–180].

1960-х гг. существует этносоциологическое подразделение и где было подготовлено 34 диссертации, тогда как в МГУ и МАЭ за весь изученный нами период подготовлено только по две диссертации по этой субдисциплине.

Близость московского и петербургского институтов по тематикам исследования, по-видимому, коренится в общем институциональном происхождении этих учреждений: образованный в 1930-е гг. в Ленинграде институт в условиях Второй мировой войны, когда часть его сотрудников была эвакуирована из города, а также возникла потребность в практических рекомендациях этнографов для руководства страны, был разделен на московскую и ленинградскую части. После войны именно московская часть стала головной. А в 1992 г. ленинградская часть стала самостоятельным учреждением — МАЭ. Ученые из обеих частей института довольно интенсивно общались друг с другом и участвовали в совместных проектах. Некоторые научные подразделения могли одновременно существовать в обоих городах. Так, Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007) вспоминал, что в 1961 г. его пригласили заведовать восточнославянским отделом института с секторами в Москве и Ленинграде [Тишков, 2008, с. 99].

В то же время Владимир Рафаилович Кабо (1925–2009), работавший в разное время в обеих частях института, отмечал: «Традиции петербургской и московской этнографических школ были различны: в традициях Петербурга главным были полевые исследования с глубоким погружением в язык и культуру изучаемого народа; московской, анучинской школе — названной так по имени этнографа и антрополога Анучина¹³ — свойственны комплексность, синтез этнографических, археологических и антропологических исследований» [Кабо, 2017].

Сложно сказать, насколько верно оценивал Кабо различия между двумя частями института и сколь долго сохранялись эти различия между москвичами и ленинградцами. Но, возможно, и эти традиции сказываются на тематических интересах исследователей.

Как видно на рисунке 3, к центральному кластеру примыкают Казахстан (который мы далее не рассматриваем из-за сравнительно малого числа диссертаций) и Уфа, где находятся кафедра истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского университета, ИИЯЛ УФИЦ и ИЭИ. В университете из восьми кандидатских диссертаций по этнологии шесть выполнено под руководством Рима Зайнигабитовича Янгузина (1941–2007), который в 1991 г. стал первым заведующим кафедры истории Башкортостана и этнографии. Здесь почти все диссертации (10 из 11) сосредоточены на тематике традиционной этнографии. В ИИЯЛ УФИЦ диссертации также в основном относятся к традиционной тематике (21 из 23 кандидатских). ИЭИ основан Раилем Гумеровичем Кузеевым (1929–2005), который переместился туда из ИИЯЛ УФИЦ. Тематики здесь несколько более разнообразные, и несколько больше внимания, по сравнению с предыдущими локациями, уделяется изучению других этносов. На основе имеющихся данных о тематиках мы не в состоянии ответить на вопрос, можно ли объединить какие-то из этих локаций в общий ареал.

Рисунок 3 также демонстрирует присутствие на российско-казахстанской диаграмме рассеивания кавказского (Нальчик и Махачкала) и сибирского (Томск, Новосибирск, Улан-Удэ) кластеров. Пока мы не можем объяснить наличие такой конфигурации, но представляем читателю рисунок 6, дающий представление о тематиках, предпочитаемых в выделенных нами кластерах.

¹³ Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923).

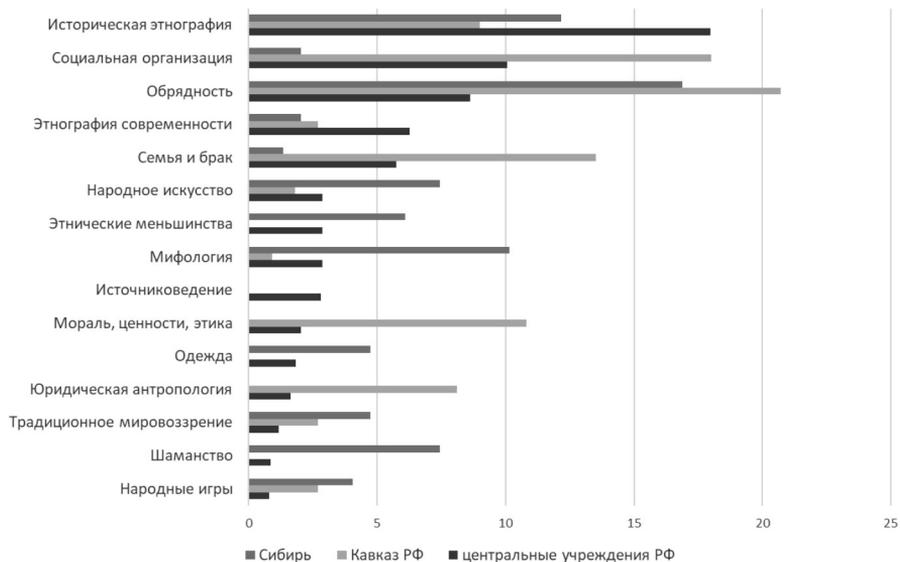

Рис. 6. Сравнение тематик диссертаций в центральном, кавказском и сибирском кластерах
Fig. 6. Comparison of dissertation topics in the Central, Caucasian and Siberian clusters

Здесь отчетливо видно, что для северокавказских этнологов самые привлекательные тематики — обрядность и социальная организация. Сибиряки заметно лидируют по мифологии и шаманству. И оба этих кластера отстают от центра по интересу к исторической этнографии. При этом на Северном Кавказе вообще не подготавливались диссертации по шаманству и меньшинствам, а в сибирском кластере — по юридической антропологии.

Отдельными объектами вне кластеров оказались шесть городов: Владивосток, Ижевск, Казань, Омск, Саранск и Якутск. Во Владивостоке этнологическое подразделение есть лишь в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, диссертанты которого фокусируются главным образом на изучении традиционной культуры коренного дальневосточного населения.

В Ижевске в Удмуртском институте истории, языка и литературы руководителем семи из подготовленных кандидатских диссертаций была Галина Аркадьевна Никитина (1951–2017). Тематика диссертаций, защищенных под ее руководством, тяготеет к современности и актуальным проблемам жизнедеятельности удмуртского этноса. В Удмуртском университете из 17 выполненных кандидатских диссертаций 15-ю руководил Владимир Емельянович Владыкин (р. 1943). Здесь также существует заметный интерес к изучению современности, но доля подобных диссертаций меньше и представлена в семи работах. Остальные диссертанты отдали предпочтение изучению традиционной этнографической проблематики и историографии.

В Казани довольно четко можно различить тематики институтские и университетские. Диссертанты в Институте истории специализируются преимущественно на изучении татар (14 из 17 диссертаций). В университете из 34 диссертаций изучению только татар посвящено пять работ, зато 15 работ рассматривают различные стороны жизни русских Поволжья. Еще в 11 диссертациях сравниваются по каким-ли-

бо аспектам несколько народов либо описывается межэтническое взаимодействие, а три посвящены народам зарубежных стран либо недавним мигрантам из других стран. Таким образом, в случае Казани по этнической тематике мы достаточно отчетливо прослеживаем наличие в городе двух диссертационных локусов.

Возможность такого различия тематик казанских учреждений сильно контрастирует со случаем Саранска. Здесь диссертации по этнологии выполняются в трех учреждениях: в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Мордовии, в Мордовском ГУ и в МГПУ. В институте сегодня существует отдел региональных исследований и этнологии. В настоящее время на сайте отдела значатся пять сотрудников, из которых лишь Людмила Ивановна Никонова является этнологом¹⁴. И это при том, что в этом учреждении было подготовлено 34 кандидатских и четыре докторских диссертации по этнологии. В Мордовском ГУ, по нашим данным, было подготовлено шесть кандидатских и четыре докторских диссертации. С 1988 г. существовала кафедра, в названии которой среди прочего было и слово «этнография». Но в 2013 г. она была слита еще с двумя кафедрами в кафедру истории России¹⁵. Сейчас на сайте кафедры значатся лишь два доктора, защитившихся по этнологии, а остальные девять сотрудников имеют другие специальности¹⁶. Наконец, в МГПУ защищена одна докторская и три кандидатские диссертации. В настоящее время здесь на кафедре отечественной и зарубежной истории и методики обучения из девяти преподавателей трое являются этнологами, которые подготовили свои диссертации в мордовском институте. Можно проследить перемещение исследователей между этими тремя учреждениями. Возможно, отмеченные явления являются важным аргументом в пользу того, что в Саранске мы имеем дело с диссертационным ареалом, состоящим из нескольких локусов, причем ослабление одних локусов может сочетаться с усилением других. Но дополнительную аргументацию можно будет получить, лишь проследив изменения в социальной структуре этнологии в этом регионе.

Омская этнология получила заметное развитие благодаря научным и организационным способностям ее признанного лидера Николая Аркадьевича Томилова (р. 1941). По-видимому, это в значительной степени и определяет предпочитаемые диссертантами тематики. Как и ожидалось, омичи заняты почти исключительно изучением Западной Сибири (в ее географических, а не административных границах), лишь изредка касаясь сопредельных территорий. Причем в самой Западной Сибири их интересует преимущественно южная часть, в прошлом заселенная преимущественно тюркскими группами и переселенцами и депортированными из европейской части СССР. Заметных различий в тематиках между Омской лабораторией (в прошлом филиалом) Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и университетом не прослеживается. С нашей точки зрения, такое сходство

¹⁴ Отдел региональных исследований и этнологии. Режим доступа: <http://www.niign.ru/ob-institute/struktura-instituta/nauchnyie-otdelyi/otdel-regionalnyix-issledovanij-i-programm> (дата обращения: 4.02.2024).

¹⁵ В мордовском госуниверситете ликвидировали кафедру археологии и этнографии. Режим доступа: <https://nazaccent.ru/content/8897-v-mordovskom-nacionalnom-issledovatel'skom-gosuniversitete-likvidirovana.html> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁶ Кафедра истории России. Режим доступа: <https://mrsu.ru/ru/university/chair/kafedra-istorii-rossii/employee/> (дата обращения: 29.02.2024).

тематик в обоих локусах, как и роль их создателя Томилова, позволяет утверждать, что Омск является единым диссертационным ареалом.

Якутск напоминает Омск тем, что и местный институт, образованный из нескольких институтов, и университет проводят исследования по сходному набору тематик. Опять-таки якутские исследователи ограничиваются территорией Якутии. Но в нашей коллекции значатся сведения лишь о трех десятках якутских диссертаций, и поэтому пока сложно делать достаточно обоснованные выводы.

Украинско-белорусский кластер характеризуется тем, что на диаграмме рассеивания (рис. 4) академические институты в обеих республиках оказались ближе друг к другу, чем к украинским университетам. Белорусские университеты сюда не попали из-за небольшого количества диссертаций (12). Нижний порог выбран по ПНУ (19 диссертаций).

Далее мы сравниваем институты с КНУ и ЛНУ (рис. 7).

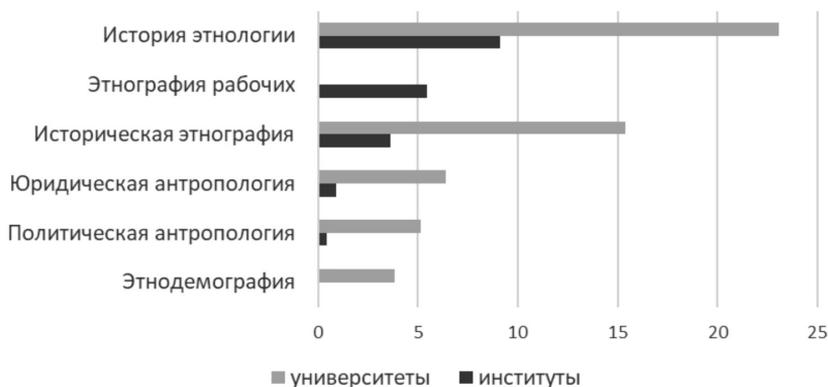

Рис. 7. Сравнение академических институтов украинско-белорусского кластера с Киевским и Львовским национальными университетами

Fig. 7. Comparison of academic institutes of the Ukrainian-Belarusian cluster with Kiev and Lviv National Universities

По всем тематикам, для которых существуют значимые различия между показанными здесь институтами и университетами, лидируют университеты. Отсутствие этнографии рабочих в украинских университетах объясняется тем, что, когда там в конце 1980-х гг. возникли кафедры этнологии, тема этнографии рабочих, развивавшаяся в системе Академии наук, уже в основном вышла из моды, уступив место этносоциологии. Тема поселения и жилища оказывается периферийной для КНУ (три диссертации) и ЛНУ, зато в ИИФЭ она значится в 11 авторефератах, а в ИН — в восьми. Видимо, она представлялась достаточно важной и перспективной для углубленной разработки многими исследователями.

Несколько иначе обстоит дело с изучением хозяйства. Академические этнологи также не большие энтузиасты подготовки диссертаций по этой теме (у них в Киеве две диссертации и во Львове — четыре), несмотря на то, что автором известной монографии об украинском земледелии является именно сотрудник ИИФЭ, выпускник кафедры этнографии МГУ и аспирантуры Института этнографии АН СССР Владимир Федорович Горленко [Горленко, 1971]. В КНУ и ЛНУ вместе по этой тематике подготовлено четыре диссертации, зато в периферийных украин-

ских университетах вместе восемь диссертаций. Мы затрудняемся объяснить такие предпочтения, как и то, что у академических этнологов отсутствует интерес к этнодемографии: все четыре украинские работы по этнодемографии выполнены в университетах. Тематика этнического состава и расселения также больше привлекает внимание университетских этнологов.

Тематика субэтнических групп характерна только для периферийных университетов, причем четыре диссертации из пяти подготовлены в ПНУ под руководством основателя кафедры этнологии и археологии Николая Васильевича Кугутяка (р. 1952). На его интересы, как и на интересы всей кафедры, влияют этнографические особенности Ивано-Франковской области, где расселены субэтнические группы гуцулов и бойков. Следует заметить, что Ивано-Франковская область вообще имеет заметные региональные этнографические особенности, что выражается в интересе к субэтническим группам, а также к этническому самосознанию. Это подтверждается информацией об интересах преподавателей на сайте кафедры¹⁷.

Юридическая антропология в большей степени характерна для КНУ и ЛНУ, где подготовлено пять диссертаций по этой тематике. Остальные две выполнены в ИИФЭ. Мы склонны видеть в этом определенную консервативность академических учреждений, которые длительное время ведут научную работу по заранее одобренным и выдержавшим временную проверку темам. В текстах авторефератов украинских академических исследователей в начале XXI в. можно даже обнаружить примерно такую фразу: «Диссертация выполнена в рамках плановой темы <...> отдела <...> Института...» В университетских авторефератах также имеется такая формула, но для университетов главным требованием является подготовка студентов, поэтому можно допустить, что исследователям здесь проще обращаться к новаторским для украинской этнологии тематикам, обещающим менее трудоемкий процесс сбора материалов, чем длительное пребывание в поле. Это же рассуждение будет верным и применительно к политической антропологии. Здесь девять диссертаций выполнено в университетах, а еще столько же в не отраженном в нашем количественном анализе и диаграммах из-за малочисленности диссертаций по этнологии (всего 14) киевском Институте политических и этнонациональных исследований НАНУ. Судя по всему, ИИФЭ и ИН не считают эту проблематику своей.

Украинские данные хорошо согласуются с нашим представлением о том, что в институтах больше возможностей для экспедиционной деятельности и сбора полевого материала. Университетские исследователи вынуждены компенсировать нехватку поля работой в библиотеках и архивах. Прежде всего это относится к Киеву и Львову, где библиотеки и архивы хранят гораздо больше литературы и источников, чем в других областях Украины. При реконструкции истории народов в Восточной Европе университетский исследователь может обойтись без собственных этнографических полевых материалов. В университете преподавателю проще переключаться на нетрадиционные тематики, поскольку он меньше связан утвержденными долгосрочными планами своего подразделения. Обделенность периферийных университетов архивными источниками побуждает к написанию диссертаций на модные теперь у западных коллег темы, например, такие как политическая и юридическая антропология (рис. 8). В то же время преподавателю из периферийного универси-

¹⁷ Кафедра етнології і археології. Викладацький склад. Режим доступа: <https://kea.pnu.edu.ua/vykladatskyu-sklad/> (дата обращения: 04.02.2024).

тета гораздо проще добраться до поля максимум за несколько часов на пригородном автобусе или электричке. Останавливаться на ночлег можно у родственников, друзей, знакомых. То есть, помимо месячной экспедиции, становятся возможными полевые экскурсии на выходные, праздники и каникулы, что позволяет собрать собственный материал быстрее исследователей из КНУ.

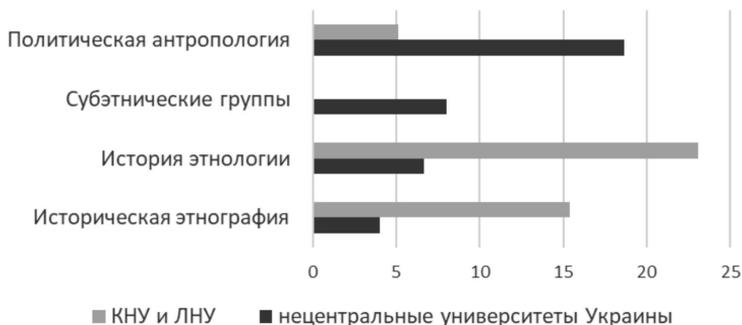

Рис. 8. Сравнение тематик в КНУ и ЛНУ с тематиками периферийных университетов Украины

Fig. 8. Comparison of subjects at KNU and LNU with subjects of peripheral universities in Ukraine

Грузия, по нашему мнению, является единым ареалом, несмотря на то, что помимо Тбилиси этнологические учреждения находятся или находились в нескольких населенных пунктах. К сожалению, мы плохо знаем грузинскую ситуацию, и несмотря на то, что данные указывают на некоторые количественные различия в предпочтениях диссертантов в Институте истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР и в Тбилисском университете, в настоящее время мы не берем на себя ответственность в их интерпретации.

Заключение

1. Выбранное нами сочетание невероятностных и вероятностных методов векторной алгебры и математической статистики подтвердило возможность выявления групп этнологических учреждений на основе тематики подготовленных в них диссертаций. Алгоритм пошагового разделения общего массива помог обнаружить как тематически близкие учреждения, так и «учреждения-одиночки» при разном масштабе анализа (от республиканского до регионального и городского). Фиксация на всех шагах анализа достоверных различий в тематике и числа этих различий позволила интерпретировать выявленные группирования и отдельные объекты как диссертационные локусы и в ряде случаев как ареалы.

2. Для некоторых случаев (Ижевск, Казань) с помощью сравнения тематик диссертаций удалось выявить автономию диссертационных локусов, которые в пределах этих городов не объединяются в ареалы. Автономными локусами можно считать Владивосток и Ивано-Франковск.

3. С большой степенью вероятности диссертационными ареалами можно считать Саранск и Омск, поскольку тематические различия между локусами внутри этих городов не прослеживаются, а предварительное изучение связей между ис-

следователями в этих городах указывает на заметное количество совместителей и перемещений между локусами. Возможно, сюда же следует отнести Львов. Скорее всего, одним ареалом является Грузия, но для окончательного вывода по этой стране у нас недостаточно данных.

3. В то же время для большинства случаев, когда в одном городе расположено несколько этнологических локусов (например, Уфа, Якутск), сравнение локусов по тематикам не дает однозначного ответа о возможности их объединения в общие ареалы. То же можно сказать о возможности объединения в один ареал ИЭА и МАЭ.

4. Для дальнейшего продвижения по этой проблематике потребуется дополнительно изучить социальную структуру этнологии в изучаемых нами республиках. Результаты этой работы будут представлены в последующих публикациях.

Литература

Александров Д.А. Организация вузовских кафедр как фактор развития науки: Германия, США, Россия // Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования: Материалы Международной научной конференции 1–3 июля 1996 года / Ред. Ю.С. Васильев, С.А. Кугель. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 195–202.

Бабенкова Н.А. Мониторинг науки: библиометрический анализ диссертаций по антропологии и этнологии (1995–2019) // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 134–145. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-134-145.

Библиотечно-библиографическая классификация: Средние таблицы. Практическое пособие. Вып. 1 / Сост. Г.П. Ванская и др. М.: Либерия, 2001. 314 с.

Винер Б.Е. Институциональная история российской этнологии: краткий обзор // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 150–166. DOI: 10.31857/S086954150010839-2.

Горленко В.Ф. Народна землеробська техніка українців. Київ: Наукова думка, 1971. 164 с.

Гудков Л. Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 101–116.

Гутнов Д.А. О школах в исторической науке // История мысли: Историография / Ред. И.П. Смирнов. М.: Вузовская книга, 2002. С. 65–72.

Дивисенко К.С., Винер Б.Е. Периодизация советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций (1934–2016) // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 4. С. 156–187. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-156-187.

Елфимов А.Л. Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Ред. и сост. А.Л. Елфимов. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–18.

Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX — начала XXI века. Омский этнографический центр. Омск: Наука, 2007. 399 с.

Здравомыслов А.Г. Вехи научной биографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 5–21.

Кабо В.Р. Глава 9. Книги и люди // Кабо В.Р. Дорога в Австралию. М.: Восточная литература, 2008. Режим доступа: <https://vladimirkabo.com/books/road-to-australia/books-and-people> (дата обращения: 04.02.2024).

Козловский В.В. Социология в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 5–30.

Кузнецова О.В. Локальное научное сообщество историков в 90-е годы XX века (на материалах города Омска) // Мир историка. XX век / Ред. А.Н. Сахаров. М.: Институт российской истории РАН, 2002. С. 179–199.

Куперштох Н.А. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки. 2005. № 2 (25). С. 93–106.

Островский А. [Без названия] // Антропологический форум. Специальный выпуск. 2005. С. 78–82.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: [Б. и.], 2004. 348 с.

Сафонова М.А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107–120.

Тишков В.А. «Этнография — наука подробная»: интервью с К.В. Чистовым // Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. М.: СПб.: Алетей, 2008. С. 81–102.

Томилов Н., Жигунова М. Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. II. М.: МАЭ РАН, 2010. С. 285–295.

Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность структура и институты / Ред. Р. Уитли. М.: Прогресс, 1980. С. 218–256.

Barnard A. History and Theory in Anthropology. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. xii, 243 p.

Barrett S.R. The Rebirth of Anthropological Theory. Toronto: University of Toronto Press, 1984. xiv, 266 p.

Becker H.S. The Chicago School, So-called // Qualitative Sociology. 1999. Vol. 22. No. 1. P. 3–12.

Crawford S. Informal Communication among Scientists in Sleep Research // Journal of the American Society for Information Science. 1971. Vol. 22. No. 5. P. 301–310.

Ester M., Kriegel H.-P., Sander J., Xu X. A Density-Based Algorithm for Discovering Clusters in Large Spatial Databases with Noise // Proceedings of the Second International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD-96) / Eds. E. Simoudis, J. Han, U.M. Fayyad. AAAI Press, 1996. P. 226–231.

Erickson P.A., Murphy L.D. A History of Anthropological Theory. 5th ed. Toronto, ON: University of Toronto Press, 2017. xxii, 373 p.

Malciene L. Scientometric Analysis of a Scientific School // Scientometrics. 1989. Vol. 15. No. 1–2. P. 73–85.

Dissertation Loci and Areas: the Case of Soviet and Post-Soviet Ethnology

BORIS E. WIENER

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: wienerras@yandex.ru

KONSTANTIN S. DIVISENKO

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: k.divisenko@socinst.ru

Using information about dissertations on ethnography / ethnology prepared in the USSR and post-Soviet countries, the authors discuss the zones of contact between the cognitive and social structures of ethnology as a scientific discipline. Such zones are designated as dissertation loci and areas. The dissertation locus refers to the set of dissertations prepared at one institution and the collection of ethnologists who prepared these dissertations. The locus is characterized by a certain assemblage of topics, the totality of which is statistically different from the sets of topics in the other loci. Several dissertation loci may be part of a dissertation area, or a set of ethnological institutions (ethnological divisions of institutions) located in the same city, region or country (former Soviet republic). The concepts of loci and areas make it possible to unite researchers employed in different institutions and localities, and also make it possible to take into account the organizational drift of a locus, for example, during the administrative merger / division of institutions or when locus leaders who act as research advisors and consultants change the institution of employment. The article demonstrates that the methods of vector algebra and mathematical statistics allow to identify confidently for some cases dissertation loci and areas in the course of the analysis of dissertation. Examples of autonomous loci include ethnological departments in Vladivostok and Ivano-Frankovsk. Several autonomous loci which do not form common areas coexist in Izhevsk and Kazan. On the contrary, loci in Saransk, Omsk, and Lvov are united into common areas. At the same time, comparison of loci by topic does not give for most cases, when several ethnological loci are located in one city, an unambiguous answer about the possibility of combining them into common areas such as, for example, in Ufa and Yakutsk. The same can be said about the possibility of combining the Institute of Ethnology and anthropology of the Russia Academy of Sciences and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences into one area.

Keywords: sociology of ethnology, cognitive structure of science, social structure of science, dissertational loci, dissertational areas, dissertational topics, DBSCAN.

References

- Aleksandrov, D.A. (1997). Organizatsiya vuzovskikh kafedr kak faktor razvitiya nauki: Germaniya, SShA, Rossiya [The organization of university chairs as a factor in the development of science: Germany, USA, Russia], in Yu.S. Vasil'ev, S.A. Kugel (Eds.), *Mirovyye modeli vzaimodeystviya nauki i vysshego obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 1–3 iyulya 1996 goda* [World models of interaction between science and higher education: Proceedings of the International Scientific Conference July 1–3, 1996] (pp. 195–202), S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta (in Russian).
- Babenkova, N.A. (2020). Monitoring nauki: bibliometricheskii analiz dissertatsiy po antropologii i etnologii (1995–2019) [Research monitoring: bibliometric analysis of dissertations on anthropology and ethnology (1995–2019)], *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no. 3 (68), 134–145 (in Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-134-145.
- Barnard, A. (2004). *History and Theory in Anthropology*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Barrett, S.R. (1984). *The Rebirth of Anthropological Theory*, Toronto: University of Toronto Press.
- Becker, H.S. (1999). The Chicago School, So-called, *Qualitative Sociology*, 22 (1), 3–12.
- Crawford, S. (1971). Informal Communication among Scientists in Sleep Research, *Journal of the American Society for Information Science*, 22 (5), 301–310.
- Divisenko, K.S., Wiener, B.E. (2021). Periodizatsiya sovetskoy i postsovetskoy etnologii na materialakh tematiki dissertatsiy (1934–2016) [The periodization of Soviet and post-Soviet ethnology based on dissertation topics (1934–2016)], *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 30 (4), 156–187 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-156-187.

Elfimov, A.L. (2012). Antropologiya v raznykh izmereniyakh: predisloviye sostavitelya [Anthropology in different dimensions: foreword by the compiler], in A.L. Elfimov (Ed., comp.), *Antropologicheskiye traditsii: stili, stereotipy, paradigmy* [Anthropological traditions: styles, stereotypes, paradigms] (pp. 5–18), Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Erickson, P.A., Murphy, L.D. (2017). *A History of Anthropological Theory*, 5th ed., Toronto, ON: University of Toronto Press.

Ester, M., Kriegel, H.-P., Sander, J., Xu, X. (1996). A Density-based Algorithm for Discovering Clusters in Large Spatial Databases with Noise, in E. Simoudis, J. Han, U.M. Fayyad (Eds.), *Proceedings of the Second International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD-96)* (pp. 226–231), AAAI Press.

Gorlenko, V.F. (1971). *Narodna zemlerobs'ka tekhnika ukraïntsv* [Ukrainian folk ploughing tools], Kyïv: Naukova dumka (in Ukrainian).

Gudkov, L. (2009). Yes' li osnovaniya u teoreticheskoy sotsiologii v Rossii? [Is there any basis for theoretical sociology in Russia?], *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannyye. Analiz. Discussii*, no. 1 (99), 101–116 (in Russian).

Gutnov, D.A. (2002). O shkolakh v istoricheskoy nauke [About schools in historical study], in I.P. Smirnov (Ed.), *Istoriya mysli: Istoriografiya* [History of thought: Historiography] (pp. 65–72). Moskva: Vuzovskaya kniga (in Russian).

Kabo, V.R. (2008). Glava 9: Knigi i yudi [Chapter 9: Books and people], in V.R. Kabo, *Doroga v Avstraliyu* [The road to Australia], Moskva: Vostochnaya literatura. Available at: <https://vladimirkabo.com/books/road-to-australia/books-and-people> (date accessed: 04.02.2024) (in Russian).

Kozlovskiy, V.V. (1999). Sotsiologiya v Sankt-Peterburge [Sociology in St. Petersburg], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2 (2), 5–30 (in Russian).

Kupershtokh, N.A. (2005). Nauchnyye shkoly Rossii i Sibiri: problemy izucheniya [Scientific schools in Russia and Siberia: problems of their study], *Filosofskiy nauki*, no. 2 (25), 93–106 (in Russian).

Kuznetsova, O.V. (2002). Lokal'noye nauchnoye soobshchestvo istorikov v 90-e gody XX veka (na materialakh goroda Omska) [Local scientific community of historians in the 90s of the 20th century (based on materials from the city of Omsk)], in A.N. Sakharov (Ed.), *Mir istorika. XX vek* [The world of the historian. 20 century] (pp. 179–199), Moskva: Institut rossiyskoy istorii RAN (in Russian).

Malciené, L. (1989). Scientometric Analysis of a Scientific School, *Scientometrics*, 15 (1–2), 73–85.

Ostrovskii, A.B. (2005). [Untitled], *Antropologicheskii forum. Spetsial'nyy vypusk*, 78–82 (in Russian).

Rostovtsev, E.A. (2004). *A.S. Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [A.S. Lappo-Danilevskiy and St. Petersburg historical school], Ryazan': b. i. (in Russian).

Safonova, M.A. (2012). Setevaya struktura i identichnosti v lokal'nom soobshchestve sotsiologov [Network structure and identities in the local community of sociologists], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, 107–120 (in Russian).

Tishkov, V.A. (2008). “Etnografiya — nauka podrobnaya”: interv'y u s K.V. Chistovym [“Ethnography is a detailed discipline”: interview with K.V. Chistov], in V.A. Tishkov, *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami* [Scholarship and life. Conversations with ethnographers] (pp. 81–102), Moskva; S.-Peterburg: Aleteiya (in Russian).

Tomilov, N., Zhigunova, M. (2010). Omskiy nauchnyy etnograficheskii tsentr: shtrikhi k portretu [Omsk research ethnographic centers: touches to the portrait], in G.A. Komarova (Ed.), *Antropologiya akademicheskoy zhizni: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya* [Anthropology of academic life: interdisciplinary research], t. 2 (pp. 285–295), Moskva: MAE RAN (in Russian).

Vanskaya, G.P. et al. (Comp.) (2001). *Bibliotechno-bibliograficheskaya klassifikatsiya: Srednie Tablitsy. Prakticheskoe Posobie* [Library bibliographic classification: Average tables. Practical guide], vyp. 1, Moskva: Libereya (in Russian).

Whitley, R. (1980). Kognitivnaya i sotsial'naya institutsionalizatsiya nauchnykh spetsial'nostey i oblastey issledovaniya [Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research

areas], in E.M. Mirsky, B.G. Yudin (Ed.), *Nauchnaya deyatelnost': struktura i instituty* [Scientific activity: structure and institutions] (pp. 218–256), Moskva: Progress (in Russian).

Wiener, B.E. (2020). *Institutsional'naya istoriya rossiyskoy etnologii: kratkiy obzor* [Institutional history of Russian ethnology: a brief overview], *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 4, 150–166 (in Russian). DOI: 10.31857/S086954150010839-2.

Zakharova, I.V., Tomilov, N.A. (2007). *Etnograficheskiye nauchnyye tsentry Zapadnoy Sibiri serediny XIX — nachala XXI veka. Omskiy etnograficheskiy tsentr* [Ethnographic research centers of Western Siberia in the middle of the 19 — beginning of the 21 century. Omsk Ethnographic Center], Omsk: Nauka (in Russian).

Zdravomyslov, A.G. (1998). *Vekhi nauchnoy biografii* [Milestones of scientific biography], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 1 (3), 5–21 (in Russian).